

ФИЛОСОФСКАЯ СУЩНОСТЬ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОГО ПОНИМАНИЯ ИСТОРИИ

(К 150-летию со дня рождения Ф. Энгельса)

М. С. ДАНИЕЛЯН

«Маркс стоял выше, видел дальше, обозревал больше и быстрее всех нас. Маркс был гений, а мы в лучшем случае таланты». «...Того, что сделал Маркс, я никогда не смог бы сделать»¹, — писал Ф. Энгельс в одном из примечаний к своему знаменитому «Людвигу Фейербаху...». Это не только скромность истинного ученого и друга, скромность без тени самоуничижения, но, прежде всего, справедливая дань великому ученому и революционеру, без творческого гения которого Энгельс не мыслил своей собственной теоретической деятельности и революционной борьбы. Поэтому не трудно понять Энгельса, когда, говоря о материалистическом понимании истории — основополагающем принципе марксизма-ленинизма вообще и марксистской философии в частности, — он считает, что это великое научное открытие принадлежит Марксу, и только ему. Однако исторически достоверно и то, что к этому открытию Маркс и Энгельс, при всем различии своего жизненного опыта и таланта, пришли одновременно и самостоятельно.

К материалистическому пониманию истории Маркса и Энгельса привели внутренняя логика развития философской и политической мысли, общественно-экономической жизни и классовой борьбы, та самая логика, которая сделала их вождями мирового пролетарского движения. Их личные побуждения, чувства и мысли также во многом были схожи; обоим предстояло «преодолеть» Гегеля, левогегельянство и Фейербаха, оба страстно ненавидели бесправие и филистерство, деспотизм и унижение человеческого достоинства, оба искали реальные земные пути достижения человеческого счастья. Однако к своему теоретическому открытию каждый из них пришел своим путем.

Путь Энгельса лежал через критику шеллингянского мистицизма, через глубокую убежденность, что из области теоретической мысли следует навсегда изгнать «сверхъестественное» и «сверхчеловеческое», в каком бы философском обличии они ни выступали. Уже в критике исторической концепции Т. Карлейля сказалось категорическое неприятие Энгельсом иррационализма в историографии. «Чем больше в ней (в истории. — М. Д.) «богоисполненности», тем больше в ней бесчеловечности и скотоподобия»², — писал он. Со стороны же практической и

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 301.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. I, стр. 593.

политической важнейшее индивидуально-биографическое значение в создании материалистического понимания истории имела непосредственная связь Энгельса с английской — наиболее развитой в то время — промышленностью. Личные наблюдения позволили Энгельсу почувствовать глубочайшие жизненные и революционные потенции пролетариата, поверить в него как в призванную историей общественно-преобразующую силу.

Но, если позволить себе выделить чисто творческую (а отчасти и психологическую) сторону сделанного Марксом и Энгельсом открытия, здесь, вероятно, самую значительную роль сыграло их единомыслие и единение. Совместная творческая деятельность, начиная со «Святого семейства» и «Немецкой идеологии», позволила каждому из них проявить в создании этой принципиально новой философской концепции самобытность и индивидуальность своего таланта и жизненного опыта и, побуждая друг друга к творчеству, черпать в этом творчестве вдохновение.

Предоставив своему другу главным образом строго теоретическое и политэкономическое обоснование их совместного великого открытия, Энгельс на протяжении всей своей жизни утверждал и развивал идею материалистического понимания истории, как основополагающего положения нового философского учения, обобщая опыт современной ему борьбы пролетариата и привлекая к делу самый разнообразный материал из области наук (политэкономии, юриспруденции, этнографии, истории, учений о войне и армии и т. д.). После же смерти своего друга, как отмечал В. И. Ленин, «Энгельс был самым выдающимся ученым и учителем пролетариата во всем цивилизованном мире»³, и этим определилась его особая ответственность за судьбы марксистского учения.

Марксистская философия к тому времени получила широчайшее признание и распространение. И это, в качестве своего отрицательного результата, приводило к односторонним, а иногда и идеологически извращающим интерпретациям принципа материалистического понимания истории со стороны малокомпетентных «молодых марксистов». Поэтому друзья и даже идейные враги жаждали снова «старого Энгельса» по вопросам марксистской теории.

С присущей ему скромностью Энгельс полагал, что в своих письмах по вопросам исторического материализма он давал лишь разъяснения по уже известным теоретическим положениям. И, действительно, Энгельс никогда не «дополнял», а тем более не «ревизовал» марксистского учения. Однако Энгельс сделал то, чего ни он сам, ни Маркс не имели повода или возможности сделать в свое время. Исследовав все аспекты материалистического понимания истории, Энгельс представил его как целостную общесоциологическую и в то же время философскую концепцию, раскрыв, тем самым, философскую сущность материалисти-

³ В. И. Ленин, Полн. собр., соч., т. 2, стр. 5.

ческого понимания истории. Поэтому можно утверждать, что в обосновании и развитии материалистического понимания истории, равно как в выявлении его философской сущности, Фридриху Энгельсу принадлежит особая заслуга.

* * *

Марксистская теория общественного развития, философское учение о его наиболее общих закономерностях—исторический материализм—обосновывается материалистическим пониманием истории. Это логически стройная, диалектически последовательная общесоциологическая теория, рассматривающая общество как единый и целостный организм, где на экономической основе в сложном переплетении функционируют различные его компоненты, порожденные жизнедеятельностью людей в их творчески-практическом взаимодействии друг с другом и с окружающей общественной и географической средой.

С другой стороны, это—историческая концепция, и не только в том смысле, что принцип историзма, генетический принцип, является основополагающим в этой концепции. Исторический материализм является в то же время материалистической концепцией истории, а следовательно, исторического развития всей материальной и духовной—экономической, культурной, психологической, политической и т. д.—жизни человечества. Это и общесоциологическая теория, поскольку она изучает и обобщает закономерности общественного развития, это и философия истории, поскольку исторический материализм раскрывает сущность, всеобщность и необходимость исторического процесса. И если справедливы возражения против сведения исторического материализма только к социологии или к философии истории⁴, то прежде всего потому, что при этом имеется в виду позитивистическое понимание социологии, с одной стороны, и традиционно «метафизическое» понимание философии истории—с другой. Но и сверх того: исторический материализм не является или тем, или другим, а также ни тем, ни другим одновременно. Великое теоретическое значение исторического материализма как диалектико-материалистической общеполитической теории проявляется в принципиально новом понимании самого предмета философии. Это учение заключается не только в том, о чем речь шла выше, то есть в рассмотрении общества—объекта своего исследования—как целостного образования. Из такого подхода проистекает и целостность самой философской концепции, в которой сведены воедино и обобщены все исторически и логически возможные философские подходы изучения природы человека, его естественной и общественной истории. Но вследствие этого философия вступает на единственно научно-перспективный путь осмысления всеобщей определяющей сущности человека как объекта и субъекта необходимого и закономерного исторического процесса. Общеполитическое значение исторического материализма за-

⁴ См. по этому вопросу дискуссию, развернувшуюся на страницах журнала «Коммунист» № 1, 4 за 1965 г.

ключается, следовательно, прежде всего в том, что, говоря словами Энгельса, «это наука о действительных (подчеркнуто мной.— М. Д.) людях в их историческом развитии»⁵.

Идея историзма, применительно к тем или иным сферам человеческой истории, не раз высказывалась в домарксовом обществоведении как материалистического, так и идеалистического направления.

Ко времени возникновения марксистской философии эта идея выкристаллизовалась в гегелевской концепции о разумной всеобщности, закономерности и необходимости исторического процесса. Эта гениальная, хотя и основанная на принципах объективного идеализма и поэтому крайне односторонняя попытка Гегеля «решительно отбросить все связанное с чувствами и постигнуть чистую мысль в ее самосозидании»⁶ — была справедливо положительно оценена еще молодым Энгельсом.

Логическая последовательность и системность философии требует, согласно Гегелю, чтобы исторический процесс был рассмотрен как отвлеченный от всего случайного, как сущностный, а не существующий, иначе он не может мыслиться закономерным, всеобщим и необходимым.

Гегелевский подход был не нов в истории философской мысли; он был естественным продолжением мучительных поисков принципа единства и всеобщности многообразия, антиномийных попыток соотнести чувственное, единичное с отвлеченным и универсальным, которые были тем более неудачны в самой сложной для философского анализа области — в человеческой истории. Другое дело, что гегелевская концепция была столь же естественным завершением этих исканий, причем завершением, принявшим рафинированно-логическую, отвлеченную от всякой «материи» форму. Это важно отметить потому, что рационализм, доведенный в концепции Гегеля до своего логического конца, в то же время побуждал к принципиально новой постановке вопроса, ибо философская мысль в этом своем исторически плодотворном, но органически одностороннем развитии сама ставила себе предел. И наиболее отчетливо эта предельность выразилась как раз в философии истории Гегеля, где стремление к завершенности системы обусловило невосполнимые философские, конкретно-исторические и политические издержки. История действительно оказалась «великим ковром», как полагал Гегель, где необходимость (но не гегелевская идея) была «основой», а страсти людей «утком», выписывающим сложнейшие переплетения узоров⁷, однако этот «ковер» оказался к тому же еще и трепетной жизнью. Закономерности исторического процесса были принципиально невыводимы из представления о человеке лишь как о рациональном существе, жизнедеятельность которого в конечном счете сводится к самосознанию абсолюта. Поэтому-то в результате и оказалось, что геге-

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 399.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр. 396.

⁷ См. Гегель, Соч., т. VIII, М.—Л., 1935, стр. 23.

левская философия истории, несмотря на ее апелляции к страстям и интересам человека, не смогла обнаружить движущих сил истории в ней самой. «Она привносила их туда извне,— как замечал Энгельс,— из философской идеологии»⁸.

Первым об этом пороке гегелевской исторической концепции заговорил Л. Фейербах. «Гегелевский метод в целом страдает тем недостатком,— писал он,— что рассматривает историю лишь как поток, лишенный дна, над которым этот поток протекает. Этот метод превращает историю в непрерывный интеллектуальный акт, каким она ведь не является»⁹. Исследуя «дно» потока — а для этого Фейербах считает необходимым обратиться к реальному субъекту истории—человеку,— Фейербах уже иначе ставит вопрос о всеобщности, необходимости, единстве мира вообще и человеческой истории в частности. Гегелевской логической, или, как сам Фейербах называет, спиритуалистической концепции он противопоставляет точку зрения, по его же терминологии, «психологическую» (не «разум», а «душа»). Если признать мышление всеобщим началом, рассуждает он, то человек, действительно, выступает как всеобщее в качестве мыслящего существа, ведь разум не есть свойство отдельного человека, это скорее отношение между людьми, между Я и Ты. Из этого как будто следует, что именно мышление, сознание являются наиболее всеобщим и сущностным для определения человека как такового, а все, что относится к чувствительности, к «физическому», присуще лишь отдельному индивиду. Но, возражает уже Фейербах Гегелю, «если для человека не бывает ощущения без мышления, то и, наоборот, не бывает сознания без ощущения, более того, в сущности говоря, сознание есть не что иное, как ощущаемое ощущение»¹⁰. Следовательно, делает вывод Фейербах, поскольку «граница рода есть вместе с тем граница ощущения», всеобщность, непрерывность человеческой деятельности свойственна не только мышлению, но и ощущению, жизни вообще.

Теоретический поворот к материализму, осуществленный Фейербахом, имел важнейшее значение для становления материалистического понимания истории. Смысл его заключался в том, что сущность человека и, следовательно, необходимость и закономерность человеческой истории во всяком случае не следует связывать с деятельностью одной лишь «чистой», отвлеченной мысли, спиритуалистически отторгнутой от человека. Исходным моментом должен быть человек как целостное и реальное существо, прежде всего страдающее, а затем уже мыслящее. И если человеком и человечеством движут страсти, побуждения и интересы, то их объяснение следует искать не в мыслительной, в сущности говоря, привнесенной извне двигательной силе, а в «земной», природной антропологической сущности человека.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 307.

⁹ Л. Фейербах, Собр. произв. в трех томах, т. 3, М., 1967, стр. 382.

¹⁰ Там же, стр. 377—380.

Но, как это не раз бывало в истории мысли, искренние намерения Фейербаха рассмотреть человека реалистически не принесли желаемых результатов. Именно в этом пункте, в силу временной, научной и классовой ограниченности своего мировоззрения, он покидал научную почву и обращался к полупоэтической, полуэтической концепции человеческих отношений (*geligare*), основанных на любви. Философская мысль Фейербаха слишком задерживалась на этой антропологической всеобщности и от нее, естественно, уже не могла перейти к историческому многообразию и, следовательно, развитию человеческого общества. Идеализм («спиритуализм») Гегеля был преодолен, но вместе с неприятием представления об истории как актуализации самопознания абсолюта, был поставлен под угрозу и сам принцип историзма. Поэтому, несмотря на отдельные мысли Фейербаха, отмеченные В. И. Лениным как «зачатки исторического материализма», антропологический материализм Фейербаха, примененный к человеческой истории, оказался в сущности бесперспективной идеей. Имея в виду именно этот результат философии Фейербаха, Энгельс писал: «По форме он реалистичен, за отправную точку он берет человека. Но о мире, в котором живет этот человек, у него нет и речи, потому его человек остается постоянно тем же—абстрактным человеком, который фигурирует в философии религии»¹¹.

Теперь следовало сделать решительный шаг, чтобы по-новому осмыслить человеческую деятельность в единстве с окружающим его и созданным им миром. Для этого одной философской преемственности было недостаточно. Необходима была более высокая ступень обобщения всей совокупности человеческих знаний, более глубокое проникновение в специфику человеческой жизнедеятельности, с тем, чтобы на этой основе определить всеобщую и необходимую, объективную и независимую от чувств, разума и воли человека—и в то же время являющуюся результатом деятельности людей—сущность исторического процесса. Речь шла не о том или ином разрешении этого вопроса, а о новой его постановке, ибо домарксовый «натурализм» в антропологическом материализме Фейербаха исчерпал себя, как и рационализм в идеалистической диалектике Гегеля. Поэтому Маркс и Энгельс сделали объектом своего исследования человеческую историю, где реализуется единство и целостность человека в процессе его предметно-чувственной деятельности, революционной практики.

Как известно, с развитием капитализма человеческая история, раскрыв многие из своих тайн, перестала быть для теоретической мысли «неведомой страной». Серия буржуазных революций, завершившаяся великой французской буржуазной революцией, привела к новому ретроспективному взгляду на всю прошедшую историю и обнаружила ее движущие силы—классы и классовую борьбу. Каждый шаг в развитии капиталистического производства порождал глубокие социальные

¹¹ К Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 295.

противоречия и приводил к мысли об исключительном значении экономической жизни общества. Что же касается его социального и политического устройства, то буржуазия, придя к власти, разрушила сколько-нибудь благие иллюзии, коварно и откровенно нарушив «общественный договор», с которым связывала свои надежды передовая просветительская мысль XVII—XVIII вв. «Установленные «победой разума» общественные и политические учреждения,— писал Энгельс,— оказались злой, вызывающей горькое разочарование карикатурой на блестящие обещания просветителей»¹².

Однако саморазоблачения буржуазного строя с еще большей силой побуждали стремления к переустройству общественной жизни. И передовая социал-утопическая мысль пыталась воссоздать прообраз будущего в коммунистических утопиях. Социал-утописты Сен-Симон, Фурье и Оуэн были «принуждены конструировать элементы нового общества из своей головы», апеллируя, подобно французским материалистам, к разуму, вместо того, чтобы обращаться к истории¹³, однако в их «учениях» на каждом шагу сквозь фантастический покров прорываются «гениальные идеи и гениальные мысли»¹⁴, имевшие важнейшее значение для материалистического понимания истории.

Но самым важным результатом развития капитализма, послужившим предпосылкой возникновения материалистического понимания истории, явился пролетариат, который активно обнаруживал свои исторические потенции в революционной борьбе против буржуазии. Именно в среде пролетариата, говоря словами Энгельса, продолжал жить интерес к теории: «Чем смелее и решительнее выступает наука, тем более приходит она в соответствие с интересами и стремлениями рабочих»¹⁵. В силу своего исторического назначения и стоящих перед ним задач пролетариат не может действовать «вслепую». Он, в лице своих теоретиков, должен понять не только политический и экономический смысл своей борьбы, но и философски осмыслить ее мировоззренческое содержание. Ему жизненно необходимо знать, в силу каких естественноисторических процессов эта борьба приведет к желаемой цели. Пролетариату в его борьбе нужны железное единство чувства, разума, воли и действия, а к этому невозможно прийти без теоретического обоснования принципиальной возможности и необходимости этого единства.

Настал момент, когда «спекулятивный» разум должен был слиться с «практическим», а это возможно лишь при сведении воедино онтологической, гносеологической и собственно социологической проблематики. Такой постановке вопроса и соответствовало материалистическое понимание истории—реалистическая и в то же время глубоко философская концепция, ставящая и решающая по существу мировоззренче-

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 268.

¹³ См. там же, стр. 276.

¹⁴ Там же, стр. 269.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 317.

ский вопрос, вопрос о характере и значении человеческой деятельности, о смысле и содержании человеческой жизни. Поэтому в мировоззрении пролетариата и, следовательно, в философии, выражающей это мировоззрение, проблема исторической закономерности перестает быть «локальной» задачей. Она открыто обретает глубокое мировоззренческое значение и перерастает в основной вопрос философии, в постановку которого органически и исходно вплетается проблема объективной исторической закономерности.

Истины ради следует отметить, что проблема сущности человека, смысла его жизни никогда, собственно, и не носила отвлеченно-теоретического характера. «Этика» и «политика», «онтология» и «гносеология» в философских учениях не только развивались бок о бок, но и взаимообуславливали выводы друг друга. Достаточно вспомнить хотя бы из далекой древности Эпикура, у которого случайные отклонения атомов в учении о бытии обосновывали идею свободы выбора в этике. И для Фейербаха проблема сущности человека носит, безусловно, мировоззренческий и идеологический характер и не уместается полностью в отвлеченно-теоретический спор с Гегелем: решение этих вопросов у Фейербаха имеет, как известно, открыто антиклерикальную и гуманистическую направленность, практически-нравственный смысл, хотя и в то же время является классово ограниченным увековечиванием буржуазной сущности человека. Но именно в этом свете более глубокий теоретический смысл приобретает марксистская постановка основного вопроса философии и его определение Энгельсом в «Людвиге Фейербахе...».

Совершенно очевидно, что это определение отнюдь не ограничивалось задачей литературной полемики с идеалистическими интерпретаторами Фейербаха. Энгельс подводил итог теоретических достижений предшествующего развития философской мысли, чтобы показать как теоретическое, так и практическое значение постановки основного вопроса в философии диалектического и исторического материализма. Поэтому если в этой связи попытаться точнее определить значение материалистического понимания истории, то следует особо и специально подчеркнуть, что раскрытие закономерностей развития истории и осмысления сущности человека органически взаимосвязано с принципом новой постановки основного вопроса философии. Из этого, собственно, и вытекает в какой-то мере двойственное (но по существу—единое) применение термина «исторический материализм». Исторический материализм это, во-первых, общесоциологическая концепция развития человеческого общества, раскрывающая наиболее общие закономерности этого развития; во-вторых, основная характеристика марксистской философии в целом, принципиально по-новому ставящей основной вопрос философии. Это второе объяснение соответствует и хронологии возникновения марксистской философии и ее первоначальному названию. Энгельс, противопоставляя новое учение всему предшествовавшему материализму, называл его, апеллируя к Марксу, «историческим мате-

риализмом»¹⁶. Это же «истматовское» содержание характеристики марксова материализма было сохранено в позднем и более обобщенном и точном названии «диалектический материализм»¹⁷.

Терминологическая сторона вопроса имеет, конечно, второстепенное значение (хотя хронология очень важна для понимания генезиса марксистского учения). Но гораздо более важным является другое: анализируя всемирно-историческое значение материалистического понимания истории, чрезвычайно существенно не упускать из виду ни один из этих взаимосвязанных аспектов.

* * *

Основное содержание и философский смысл материалистического понимания истории раскрываются в исследовании сущности человека. Марксистская философия, как известно, не уходит от природной характеристики человека: человек, являясь результатом эволюции материи должен как таковой в первую очередь удовлетворять свои природные потребности. Но самый процесс удовлетворения человеком своих первейших нужд рождает противопоставленность человека природе и определяет специфику сущности «всеобщности» человека. Человека выделяет из природного царства труд, труд же начинается с изготовления орудий, что, в свою очередь, немыслимо без возникновения сознания—отличительной способности человека. Эта диалектическая взаимосвязь, принимающая форму сложнейшего переплетения отношений в реальной действительности—и прежде всего связь между удовлетворением потребностей и трудом,—лаконично и обобщенно выражена в известной мысли Энгельса, высказанной в написанной им биографии Маркса. «За тем явным, но до сих пор совершенно упускавшимся из виду фактом,—писал Энгельс, характеризуя великое открытие Маркса,—что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь жилище, одеваться и что, следовательно, они должны трудиться, прежде чем они могут бороться за господство, заниматься политикой, религией, философией и т. д., за этим очевидным фактом признаны были теперь, наконец, его исторические права»¹⁸.

Энгельсу принадлежит, как известно, особая заслуга в разработке вопроса о роли труда в формировании человека, а это имеет самое

¹⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 22, стр. 239.

¹⁷ По этим вопросам высказывались ряд советских философов, участвующих в дискуссии по вопросу о предмете исторического материализма. В частности, см. Л. Н. Суворов, О месте исторического материализма в структуре марксистско-ленинской философии («Вопросы философии», 1964, № 8); П. М. Егидес, О принципах структуры исторического материализма (там же, 1966, № 1); А. А. Марк, Единство марксистско-ленинской философии (там же, 1966, № 2); Л. А. Коган, О структуре марксистской философии (К истории проблемы) (там же, 1966, № 7); О структуре исторического материализма; обзор дискуссии (там же, 1967, № 2); В. Ж. Келле, О некоторых направлениях развития исторического материализма (там же, 1967, № 10) и др.

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 112.

существенное значение для определения его сущности. Используя свою богатейшую эрудицию, Энгельс, исторически конкретно, с различных сторон анализирует своеобразие всемирно-исторической революции, скачка от животного к человеку. Здесь проявляется все его диалектическое мастерство, ибо такой подход требовал сведения воедино и естественноисторических, и географических, и собственно биологических, и первично-социальных условий и обстоятельств происхождения человека. Многие из идей, высказанных Энгельсом в связи с этим вопросом, послужили логическому осмыслению и преодолению исконно философских, относящихся к проблеме человека антиномий психического и физического, субъекта и объекта, а также крайностей онтологического или гносеологического, рационалистического или антропологического определения его сущности.

В этой связи особый смысл приобретает обоснование Энгельсом марксовой мысли о роли и значении географической среды в жизнедеятельности человека. Совершенно очевидно, что как преувеличение, так и преуменьшение роли природы (которая в практически преобразующей деятельности человека выступает в качестве географической среды) в равной мере противоречит марксистскому пониманию сущности человека. Человек существенно связан с природой не только своим происхождением, но и вследствие естественной необходимости удовлетворять свои первейшие потребности. Связь человека с окружающей естественной средой более непосредственна и сущностна, ибо труд—это процесс преобразования вещества природы. И хотя зависимость человека от природных условий изменяется по мере развития способа производства, тем не менее, без естественной зависимости от географической среды (понимаемой в самом широком смысле, связанном со все большими масштабами «освоенной» и «очеловеченной» природы) нельзя представить себе ни труд, ни сущность человека, ни человеческую (а также и любую иную) цивилизацию¹⁹. Для Энгельса вопрос состоял в том, чтобы, имея в виду эту естественную зависимость, показать, как она органически вплетается в производство и лишь через это характеризует сущность человека.

Диалектическому определению сущности человека способствовал также анализ Энгельсом взаимосвязи идеального и знакового—мышления и языка, как следствия и реализации «отношения», свойственного лишь людям.

В своем исследовании происхождения человека Энгельс исторически и логически прослеживает положение молодого Маркса о сущности человека. «...Сущность человека,—писал Маркс в своих «Тезисах о Фейербахе», названных Энгельсом «гениальным зародышем нового учения»,— не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей

¹⁹ См. А. М. Восканян, О роли географической среды в развитии общества, Ереван, 1966.

действительности она есть совокупность всех общественных отношений»²⁰.

Сущность человека не следует искать ни в его интеллектуальной и ни в его антропологической всеобщности, ибо такая всеобщность так или иначе принимает отвлеченный, абстрактный характер и в силу этого не может быть характеристикой его действительной, реальной всеобщности. «Всеобщность» (и сущность) кроется в своеобразии взаимодействия человека и природы, своеобразии, принимающем конкретно-исторические формы человеческих отношений. Поэтому в этом «всеобщем» раскрывается и «особенное» — сам процесс реализации и становления этой всеобщности. Всеобщность (равно как и сущность) — не абстрактно-логическая категория и не отвлеченный этико-религиозный принцип. Как таковая она лишь результат правомерной или ложной абстракции из реальных, действительных отношений людей и противоречиво реализуемой тенденции истории, которая ведет к практической реальной общности людей на основе обобществления орудий и средств производства.

Благодаря исторически-материалистическому пониманию сущности человека в строгом диалектическом единстве раскрывается принцип самодвижения истории. Человеческая история представляется, с одной стороны, как естественнонеобходимый, независимый от воли и сознания людей процесс, выраженный в смене общественно-экономических формаций; с другой — как всепреобразующая деятельность людей, практически реализующих эту экономически необходимую тенденцию к всеобщности. Это глубоко противоречивый процесс, ибо одна и та же основа — производственная деятельность людей, — реализуя и стимулируя их активность, волю и сознание, в то же время — но уже в своей негативной характеристике, в силу недостаточной развитости производительных сил, — подчиняет эту активность независимой от их воли и сознания исторической закономерности. Исторический процесс обнаруживает свою противоречивость и в специфически философском аспекте — в плане взаимодействия бытия и сознания. И это еще одно доказательство необходимости принципиально новой постановки основного вопроса философии, которая раскрыла бы единство и взаимопроникновенность его онтологического, гносеологического и общесоциологического содержания²¹. Вместе с тем анализ основного вопроса философии в его единственно реальном контексте — в человеческой истории — обнаруживает и другую особенность этой проблемы: разрешение вопроса об отнесенности сознания к бытию, точнее, преодоление антиномийности этой отнесенности в пределах одной лишь чисто теоретической области, принципиально невозможно. Поэтому даже самые гениальные филосо-

²⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 3.

²¹ См. Հ. Գաբրիելյան, Իմացաբանության առարկայի լեկցիայի ըմբռնումը, «Բանբեր Երևանի համալսարանի», 1970, № 1.

фы терпели горькое поражение и не могли выйти на теоретически последовательный путь решения этой основной проблемы философии. Вопрос о соотношении бытия и мышления—это в основе своей **практический** вопрос, разрешение которого связано с развитием объективно необходимой стороны истории, которое приведет к действительной всеобщности людей, и с революционной деятельностью той решающей общественно-преобразующей силы, которая исторически способна преодолеть это противоречие в реальной, действительной жизни.

Марксистский подход к решению основного вопроса философии в аспекте сущности человека впервые в истории человеческой мысли сорвал таинственные покровы с «феноменологии» духа, которые он сам на себя набросил. Он раскрывает всеобщность того великого разнообразия индивидуального и даже уникального мира страстей, желаний, чувств и побуждений, которое делает бесконечно трудным постижение человеческой истории. Идея историзма, мощью человеческого разума извлеченная из развития природы, общества и мышления, не только именно в материальности раскрывает единство мира, но в этой же материальности видит своеобразие развития общества по сравнению с развитием природы. В самой марксистской постановке вопроса содержится обоснование особенностей самодвижения каждой из этих сфер: своеобразие истории как естественноисторического процесса заключается прежде всего в его «субъектности». С самого начала, с первого человеческого действия—с изготовления примитивнейшего орудия—целенаправленная творчески-активная деятельность человека, как субъекта истории, диалектически вплетена в историческую необходимость, и то, что стремления людей не достигают поставленной цели, есть результат объективной и многоликой противоречивости исторического процесса. С развитием человечества творчески-активная деятельность людей приобретает все большую значимость, осмысленность и целедостигаемость. Качественно отличные друг от друга этапы развития человеческого общества есть, в сущности, путь становления творческой активности человека. Пока человек не свободен от власти природных и отчуждаемых своей деятельностью общественных сил, он все еще переживает свою предысторию. И только тогда, когда исторический процесс неодолимо приводит его к необходимости обобществления средств производства (возможность **всеобщности** человечества становится **действительностью**), только тогда преодолевается непримиримость противоречия между «субъектной» и объективной сторонами общественного процесса. «То объединение общества,— писал Энгельс,—которое противостояло им до сих пор, как навязанное свыше природой и историей, становится теперь их собственным делом. Объективные, чуждые силы, господствовавшие до сих пор над историей, подступают под контроль самих людей. И только с этого момента люди начнут сознательно творить свою историю, только тогда приводимые ими в движение общественные причины будут иметь в преобладающей и все возрастающей

мере и те следствия, которые они желают. Это есть скачок человечества из царства необходимости в царство свободы»²².

Своеобразие диалектики исторического процесса требовало выяснения не только источника развития человеческого общества, который, как известно, был исследован в экономическом учении Маркса и полностью раскрыт в понятии способа производства материальных благ. «Субъектность» развития человеческого общества выдвигала специфически общесоциологическую проблему движущих сил истории и их связи с источником саморазвития истории, которой Энгельс уделял специальное внимание.

Что является движущей силой истории, что побуждает человека к деятельности?

Энгельс особо подчеркивает, что, конечно, побудительные причины человеческой деятельности самые различные: это и сознательно поставленные цели или интересы; это и «страсть или размышление», непосредственно определяемые различными «рычагами», которыми «могут быть внешние предметы, отчасти—идеальные побуждения: честолюбие, «служение истине и праву», личная ненависть или даже чисто индивидуальные прихоти всякого рода»²³. Энгельс не только не отрицал личных мотивов человеческой деятельности, но, напротив, полагал, что именно они являются непосредственной и очевидной причиной действий людей, из которых складывается история. Более того, ссылаясь на работы Маркса, он говорил о необходимости их исследования, когда речь идет о конкретно-историческом, собственно социологическом и политическом анализе событий. С этой точки зрения, само собой разумеется, что Энгельс приветствовал бы появление научно поставленных конкретно-социологических исследований, которые, располагая формализующими математическими методами, могли бы, наконец, научно проанализировать и обобщить, скажем, непосредственные побудительные мотивы человеческого поведения. Возможность такой постановки в марксистской философии, собственно, и не дискутируется. Но диалектический (исторический) материализм, являясь философией (а не социологией в позитивистском смысле слова), естественно, совершенно в ином аспекте ставит этот вопрос. Марксистскую философию интересует «сущность», которую позитивизм, апеллируя к очевидности, с завидным легкомыслием относит к числу «нетеоретических», «метафизических» псевдопроблем. Теоретическая бесперспективность и политическая реакционность неопозитивизма в социологии есть по существу следствие упрямого неприятия не менее «очевидной» очевидности существования необходимого и детерминированного отношения между поведением людей, как «социальным фактом», и их сущностью, которая в марксистской философии определяется как совокупность общественных отношений.

²² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 20, стр. 295.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 306.

Философская постановка вопроса, обращаясь к «всеобщности» человеческой деятельности, ведет к раскрытию сущности движущих сил человеческой истории. Энгельс писал: «...Возникает новый вопрос: как кне движущие силы скрываются, в свою очередь, за этими побуждениями, каковы те исторические причины, которые в головах действующих людей принимают форму данных побуждений?»²⁴.

Капиталистическая действительность в достаточной степени упростила связи следствий с причинами, поэтому теоретические обобщения напрашивались сами собой. Диалектический анализ истории, позволявший, как в свое время писал Лабриола, «понять переплетение и комплекс явлений и фактов в их внутренней связи и в их внешних проявлениях, спуститься с поверхности в глубину и вновь вернуться на поверхность: обнаружить при анализе страстей и стремлений их побудительные силы, а затем, отправляясь от страстей, стремлений и их побудительных сил, вывести их из наиболее далеко отстоящих от них определенных экономических условий»²⁵. Такой анализ привел к важнейшему положению материалистического понимания истории, которое заключается в следующем: на протяжении всей человеческой истории (за исключением первобытного общества) воля и побуждения людей, как бы своеобразно они ни выступали, поляризуются и группируются в классовые интересы, в зависимости от формы, в которой удовлетворяется человеческая потребность, то есть от отношений, которые складываются между людьми в процессе производства. В другом аспекте, вся человеческая история, как бы сложно и уникально ни выглядели те или иные события, являет, тем не менее, картину борьбы определенных общественных сил, сущность которых определяется в конечном счете отношением людей к орудиям и средствам производства. Тем самым человеческая история была осмыслена как история классовой борьбы.

Позже баденская школа неокантианства именно в этом пункте обрушилась на материалистическое понимание истории. Отрицая, по сути дела, всеобщее в истории, представители неокантианства не могли воспринять глубокий философский смысл открытой Марксом и Энгельсом диалектической взаимосвязи между отдельным, уникальным (историческим событием или побуждениями людей), особенным (спецификой исторических, конкретных условий) и всеобщим (общественно-экономической закономерностью, в конечном счете определяющей и обуславливающей весь исторический процесс и тем самым каждое его проявление). Но неприятие этого вывода буржуазной социологией, философией и историографией также не является ни теоретической ошибкой и ни прихотью. Здесь сказывается в конечном счете интуитивная враждебность к тем социально-политическим выводам, которые следуют из этого положения, так как это открытие не было само-

²⁴ Там же.

²⁵ Л. Лабриола, Очерки материалистического понимания истории. М., 1960, стр. 181.

целью для марксистской философии. В руках осознавшего свою историческую силу пролетариата оно являлось грозным теоретическим оружием революционного переустройства общества.

* * *

Историко-материалистическое решение вопроса о движущих силах истории, установление диалектической связи между его необходимой (экономической) и реализующей (классовой борьбой) сторонами позволило марксистско-ленинской философии последовательно и научно подойти к анализу такой сложной целостности, какой является человеческое общество. И здесь основополагающая идея о детерминированности сознания (так же, как и всех других порождений и «отчуждений» человеческой деятельности) общественным бытием привела к пониманию взаимодействия всех элементов структуры общественного организма. Среди различных сторон общественного целого Энгельс, как известно, наибольшее внимание уделил государству, его происхождению и сущностной характеристике. Логически последовательно осмысливая этот исторически-временный аппарат господствующего класса, как следствие возникновения частной собственности на средства производства и классов, Энгельс рассматривает его как «первую идеологическую силу над человеком», которая имеет все характерные черты «отчуждения». Государственная власть, как орган, пишет он, едва возникнув, «приобретает самостоятельность по отношению к обществу и тем более успевает в этом, чем более становится органом одного определенного класса и чем более явно он осуществляет господство этого класса»²⁶.

Исследование генезиса и классового содержания политической власти имело, прежде всего, глубочайшее практическое значение для революционной деятельности пролетариата, так как отсюда следовало, что коренное экономическое переустройство может быть в свою очередь лишь следствием политической борьбы, борьбы за политическое господство. Тезис о творческой активности приобретал практически революционный смысл: детерминированность сознания бытием оборачивалась своей другой и очень существенной гранью—классовая и, в первую очередь, политическая борьба является столь же необходимой для экономического развития, сколь и определяемость этой борьбы экономическим основанием. Подчеркивая сущностный (то есть связанный с развитием способа производства) характер политической борьбы пролетариата, Энгельс писал К. Шмидту: «К чему же мы тогда боремся за диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Насилие (то есть государственная власть)—это тоже экономическая сила!»²⁷.

Свой анализ взаимоотношенности элементов общественной структуры Энгельс, однако, не ограничивает вопросом взаимодействия эконо-

²⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 312.

²⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 420.

номического основания и политической надстройки, хотя и придает ему первостепенное значение. Вслед за этим он анализирует взаимосвязи и иных «идеологических форм» как друг с другом, так и по отношению к своему основанию и заключает, что они отличаются не по своему сущностному содержанию, а по степени опосредованности по отношению к общественному бытию и той специфической логике самостоятельного развития как бы «из самих себя», которая свойственна каждой из них. При таком подходе гносеологический аспект (аспект «отражения») является столь существенно необходимым, что становится совершенно очевидным: проблема общественное бытие—общественное сознание характеризует, собственно, особенность марксистского понимания предмета философии вообще.

В отличие от антропологической (а в наше время также экзистенциалистской), с одной стороны, и спиритуалистической (соответственно—персоналистической и неотомистической) концепций—с другой, марксистская философия ни в какой степени не сводит основной вопрос философии ни к «проблеме человека», ни к соотносительности субъекта-объекта, столь характерной для немецкой классической философии. Раскрыв сущность человека в его обусловленности отношениями, складывающимися в процессе производства, марксистская философия по существу коренным образом пересмотрела и проблему существования человека и проблему его отвлеченного субъектно-объектного единства. Основной вопрос философии предстал в ней в своем наиболее точном и реальном виде, как вопрос о соотношении бытия и сознания, точнее, общественного бытия и общественного сознания. Если действительность, реальность деятельности человека определяется отношениями материальными, то и вся проблема бытия и сознания должна быть вновь осмыслена и в собственно философском плане: вне человеческого, то есть общественного, бытия нет сознания; возникновение, становление и развитие сознания связано со становлением и развитием человеческого общества, которое определяется развитием способа производства: его сущность определяется благодаря этому развитию, в нем (в сознании) это развитие отражается как всеобщность, сущность, необходимость. Формула «общественное бытие определяет общественное сознание» явилась единственно последовательным материалистическим и в то же время всесторонне диалектическим решением основного вопроса философии, так как не оставляла места существованию чего бы то ни было идеального вне материального мира, развившегося в человеческое общество. Только «достроенный» «доверху» материализм оказался целостным и последовательным, материализмом и «снизу». Таков общий философский вывод, к которому подводит Энгельс, с разных сторон и в единстве исследуя проблематику материалистического понимания истории.

Вместе с тем следует специально подчеркнуть, что проблема взаимоотношения общественного бытия и общественного сознания имеет, безусловно, свою специфически общесоциологическую проблематику, и

теоретический вклад Энгельса в ее разработку неизмеримо велик. Однако, исследуя ее, Энгельс раскрывает еще один важнейший аспект философской сущности материалистического понимания истории: значение общественного сознания (равно как и всех «искусственных», человеческой деятельностью порожденных институтов) в историческом развитии рассматривается Энгельсом на основе диалектического характера взаимодействия его с общественным бытием.

Известно, что люди, не понявшие великого философского, диалектического смысла материалистического понимания истории и идеологически не принявшие его революционного содержания, желая дискредитировать и то и другое, инкриминировали примитивнейшее обвинение в «экономическом детерминизме». Наиболее же безграмотные из них приписывают историческому материализму не только антидиалектический, но и вульгарный, филистерский смысл (материализм—это есть, пить, иначе — предаваться пьянству и обжорству и т. д.), о котором так гневно высказывался Энгельс.

В действительности же последовательно диалектическая направленность решения вопроса об определяемости общественного бытия общественным сознанием не только не пренебрегает всем многообразием духовного богатства человечества, но, напротив, впервые и по-настоящему оценивает его великое значение в развитии общества. Определяемость общественного бытия общественным сознанием отнюдь не означает его «второразрядности» — диалектический материализм вообще далек от подобных беллетристических, оценочных характеристик. Всю научную глубину философского (и, само собой разумеется, общесоциологического) содержания этого положения Энгельс раскрывает в ряде писем, известных как «письма об историческом материализме».

Формула «общественное бытие определяет общественное сознание» выражает прежде всего ту идею, что необходимость (экономическая), составляющая тенденцию развития общества, определяет «всеобщность» общественного сознания, является его сущностным ядром и определяющим принципом его основного идеологического содержания. Причем, имея в виду характер человеческого отражения и факт взаимодействия различных сторон (или «факторов») общественной жизни, Энгельс характеризует эту связь как определяемость «в конечном счете». «Чем дальше удаляется от экономической та область, которую мы исследуем,— писал Энгельс В. Боргиусу,— чем больше она приближается к чисто абстрактно-идеологической, тем больше будем мы находить в ее развитии случайностей, тем более зигзагообразной является ее кривая. Если Вы начертите среднюю ось кривой, то найдете, что чем длиннее изучаемый период, чем шире изучаемая область, тем более приближается эта ось к оси экономического развития, тем более параллельно ей она идет»²⁸.

²⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 39, стр. 176.

Это определение далее, имея в виду экономическую характеристику общественного бытия (главным в котором являются отношения людей в процессе производства), раскрывает идеологическую сторону отражения. Каждый класс отражает общественное бытие в зависимости от своего отношения к средствам производства, сквозь призму своей классовой «субъектности», то есть идеологически определенным образом. И, наконец, что является самым главным в аспекте философского значения (и что, собственно, снимает всякие обвинения в «экономическом детерминизме»), — это положение Энгельса о характере взаимодействия общественного бытия и общественного сознания (соответственно — базиса и надстройки). Согласно Энгельсу, экономическое положение не является единственной активной причиной, а остальное — лишь пассивным следствием. Диалектику взаимодействия и безусловную значимость всех сторон общественной жизни Энгельс подчеркивает столь же категорически, как и определяющую роль экономического развития. «Чего всем этим господам не хватает, — пишет он о критиках исторического материализма, — так это диалектики. Они постоянно видят только здесь причину, там — следствие. Они не видят, что это пустая абстракция, ... что весь великий ход развития происходит в форме взаимодействия (хотя взаимодействующие силы очень неравны: экономическое движение среди них является самым сильным, первоначальным, решающим), что здесь нет ничего абсолютного, а все относительно. Для них Гегеля не существовало»²⁹.

Диалектика, извлеченная из великого процесса истории, позволила создать единую и целостную концепцию диалектического материализма. Философское содержание открытия всемирно-исторического значения — материалистического понимания истории — определило характер качественно нового этапа в развитии философской мысли. «С каждым составляющим эпоху открытием даже в естественнонаучной области, — писал Энгельс в «Людвиге Фейербахе...», — материализм неизбежно изменяет свою форму. А с тех пор, как и истории было дано материалистическое объяснение, здесь также открывается новый путь для развития материализма»³⁰.

В отношении к современному материализму это сделали Маркс и Энгельс на основе ими же открытого материалистического понимания истории.

²⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 420.

³⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 286 (подчеркнуто мной. — М. Д.)